

История одного Ангела

Акатава Ибис

16+

Акатава Ибис

История одного Ангела

«Автор»

2017

Ибис А.

История одного Ангела / А. Ибис — «Автор», 2017

Вы читали когда-либо дневник молодого человека? А дневник Ангела? Тогда у Вас есть такая возможность прямо сейчас. Этот дневник, поведает Вам о разных Мирах и о тех, Кто в этих Мирах...

© Ибис А., 2017

© Автор, 2017

Пролог

Моя история началась до рождения Леры, да и закончилась она так же давно, когда та еще только в проекте и была. Я – Серафим, и та история, которую я вам расскажу, это история моей земной жизни, жизни после «смерти» и моего конца.

Часть I

Глава 1

Начнем с того, что я родился в начале XIX века, в те года, пока я рос, шли бесконечные войны за выход России к Средиземному морю. Жили мы с матерью и сестрами. Их у меня было три; самую младшую, но не младше меня, звали Анисья, попрыгунья, ей всегда поручали следить за мной. Средняя – Паула, маленькая, часто болела, из-за чего следить приходилось Анисье и за мной, и за средней сестрой. И старшая сестра – Тереза, самая сильная из всех сестер, всегда помогала матери и с хозяйством, и с нами, малышами.

Хоть я и был единственным сыном в семье, мать не грузила, как говорят, меня, я был щуплым белобрысым птенцом, с бледно-зелеными или голубыми глазами: два цвета переходили друг в друга, но в итоге победил салатный, с которым я и жил всю свою жизнь. Отец был военным, и, как вы понимаете, шла война, шли сражения, он только один раз меня видел, в младенчестве, когда я только-только появился на свет. Потом, летом 1813 года, когда закончилась война с персами, тогда мне уже исполнилось девять, для своих лет я был худым, тощим, неказистым мальчишкой.

Война – это всегда плохо, это голод, это боль, это выживание. Отца моего звали Гавриил. Как говорили про таких – богатырь, настоящий мужик, вот таким он и был: темноволосый, с голубыми глазами, волевым лицом и недюжинной силой. Посмотрев на меня пристальным взглядом, он сказал:

– Сын, мой, будем из тебя мужика делать.

Я помню, тогда испугался его донельзя и, спрятавшись за спину старшей сестры и схватив ее за подол юбки, шепнул:

– Кто это?

Сестра, грустно улыбнулась и сказала:

– Отец наш.

Вышла мать из дома и, завидев отца, бросилась в его объятия. Она – маленькая, хрупкая, со светлыми, как и у меня, волосами – казалась мне неземным существом. От нее постоянно шло тепло, а ее ласковые руки всегда были такими теплыми... и пахли хлебом. Естественно, вскоре у меня появился еще брат, но младенец оказался слабым и, не дожив до года, умер. Все это время отец учил меня; благодаря его суровому характеру и военной выправке все мои жалобы и вопли пресекались на корню. Я по натуре своей был мягким, добрым, слизняком и размазней. Если бы я жил в XXI веке, то меня бы обязательно сочли за «эмо». Я не был готов к тому, что предложила мне жизнь.

Итак, одним осенним утром отец заявил мне, что мы идем на охоту. Ужас охватил меня: я не любил это занятие, отец ходил охотиться всегда без меня, а сейчас...

– Будем учить тебя охотиться, – громко сказал он, когда мать, суетясь, бегала от печки к столу и обратно.

Анисья, как всегда, сидела с малышом: тогда он еще был жив, когда все это происходило. Тереза пошла за водой, а Паула кормила ту немногочисленную животину, что выжила у нас. Мне не хотелось есть, страх сковывал руки и ноги. Меня тошнило от мысли, что я должен взять ружье и стрелять, но сказать отцу я этого не мог. Мать, заслышав то же, посмотрела на мужа с ужасом и сказала:

– Ему всего десять.

На что отец ответил:

– Как раз, что будет из него дальше, что будет с вами, если меня заберут вновь воевать? Он мужик, и он – главный в мое отсутствие, он должен уметь держать оружие и уметь охотиться, чтоб прокормить и себя, и вас.

Услышав это, мать побледнела, она всегда начинала переживать, когда речь заходила о службе отца и его долге. А отец продолжал:

– Подрастет, отдам его учиться на военного. Нечего ему тут в губернии просиживать штаны.

– Но если он не пойдет по твоим стопам? – возразила мать. – Может, ему в науку пойти. Он, видишь, какой смысленый у нас.

Это была правда: на военного я учиться никак не хотел, а насчет смысленности – в нашей школе, куда я ходил с сестрами учиться, я и в правду был лучшим, хотя этого никто не замечал, не замечал и отец. Меня это не расстраивало, но угнетало. Ему нужен был другой сын, не такой, как я.

– А вот подрастет, сам поймет, что к чему, – ответил на реплику матери отец.

Мать ничего не сказала, лишь тяжело вздохнув, поставила на стол блюдо с пирожками. Меня всего трясло, как на холоде. Поковыряв в тарелке ложкой и съев для приличия немного каши, запив молоком и сжевав хлеб, я уже хотел исчезнуть куда-нибудь с глаз отца, но не тут-то было. Остановив меня командным тоном, он сказал:

– Иди, собирайся, когда я выйду из дома, ты должен быть уже готов.

Кивнув, я убежал в свою комнатку. Сев на кровать и обняв себя за плечи, я пытался унять дрожь. Отец внушал мне страх и уважение одновременно. В свои десять я был смысленным мальчиком и понимал, что он прав, безусловно, но все же мне было страшно. Я не мог представить себе, что я кого-то убью, только ради мяса. Я был готов отказаться от мяса, лишь бы никого не убивать, но я был не один, еще были сестры, младший братик и мать. Я не знаю, сколько так просидел, но услышав голос отца с улицы, я вскочил на ноги, побежал в сени, обувшись и накинув безрукавку, выбежал во двор. Отец с ружьем, мешком, в котором было что-то еще, уже ждал меня. Высокого роста и плечистый, он смотрел на меня сверху вниз. А я на него – снизу вверх. Мне стало страшно от его серьезного, но не злого взгляда. Наша губерния располагалась неподалеку от леса, куда местные жители ходили охотиться, по грибы и ягоды, за травами и прочими дарами природы. В этот лес мы и пошли на охоту. Не то чтоб в нем жили дикие животные, нет. Конечно, звери там обитали, но вдали от человеческого жилья, но и там с каждым годом их водилось все меньше. Животные уходили все глубже, как и человек, вслед за ними, уходил дальше в этот лес.

Шли мы недолго. Как только мы попали под сень деревьев, отец начал говорить о повадках животных, о ветре и прочем. Я слушал, мне было интересно, на какое-то время страх отошел, страх того, что я буду убивать... Но вот отец резко остановился, подняв руку и наклонившись, шепнул мне на ухо:

– Смотри.

И я увидел дикого кабана, он рыл землю под дубом в поисках плодов. Увлеченный своим делом, он не замечал нашего присутствия, он не ощутил, как отец медленно поднял ружье, целясь ему в голову. Мое сердце забилося чаще, в голову ударила волна крови, руки похолодели от страха и осознания того, что сейчас произойдет, и вот он этот... Бах! Отец не промахнулся, попав точно в голову и разнеся полчерепа, он подстрелил кабана, тот рухнул на землю. Смерть была моментальной.

– Пошли! – скомандовал отец и двинулся через кусты к убитому животному, я поплелся следом.

Подойдя и развернув кабана, отец снял мешок с плеча, достал оттуда охотничий нож и начал снимать с дикой свиньи шкуру. Я тихо стоял и смотрел. В глубине леса невозможно было понять, сколько сейчас времени: тут царил полумрак, создаваемый могучими ветками огром-

ных деревьев. Мне казалось, что здесь, в лесу, в этой полутьме и сырости, живет и протекает совсем другая жизнь, что здесь другой мир, мир, недоступный нам, людям. Я был слишком ранимым и тонким по натуре мальчиком, что и вредило мне всю мою жизнь... Ели, сосны, дубы окружали нас, тихое и далекое пение птишек доносились до меня. Мне уже не было страшно, как тогда, когда отец целился и убивал кабана. А сейчас я стоял и смотрел с безразличием на происходящее передо мной. Когда шкура животного была снята, отец сказал:

– Сейчас мы понесем это домой, а дальше, разрезав на куски, будем коптить, чтобы был запас на зиму.

Я только кивнул в ответ. Туша кабана была тяжелой, мне казалось, что она весит тонну, не меньше, но отец, вскинув добычу на плечо, нес ее легко, даже не ссутулившись. Когда мы пришли домой, на дворе был полдень. Мать и сестры хлопотали по хозяйству. Пообедав в молчании – мать все еще дулась на отца из-за того, что он потащил меня на охоту, – мы отправились готовить запасы на зиму. Провозившись до вечера с этим делом, мы наконец-то освободились. Отпустив меня гулять, отец вернулся в дом. Я побрел к своему любимому месту, к озеру, что было недалеко от нашего дома, в лесу. Там всегда плавали утки, я их очень люблю. Дикие утки, они такие симпатичные, особенно, когда маленькие, неоперившиеся, с пушком, плывут за мамкой и крикают, даже не крикают, а пищат. Я взял с собой хлеба и, сидя на бревнышке около воды, кидал им кусочки. Они знали меня, привыкли наверно уже ко мне и, не боясь, подплывали к берегу, иногда даже выходили и прохаживались своей «утиной» походкой по нему, виляя коротенькими смешными хвостиками. Я был одиноким мальчиком, сидящим на бревне, сколько себя помнил, мне всегда казалось, что я жил не своей жизнью. Все в этом мире было мне не совсем близким, не то чтоб я не любил своих родителей и сестер. Нет, они были дороги мне, но вот ощущение того, что я лишний, всегда было со мной... Откуда это бралось во мне? Может, оттого, что я был единственным мальчиком в семье, да еще и самым младшим. Сложно было бы не заметить того, что мама и сестры относятся ко мне, как к маленькому, хоть я по возрасту и был таковым, но я был мальчиком, мой долг, как говорил отец – и я с ним согласен – защищать их. Но вопрос в ином: готов ли я быть таким? Ведь я – не он. И дело не только в том, что я не богатырь, а сухой и тощий, дело в моем характере, он слишком мягкий, чуткий, ранимый, не мужской.

Да, я любил природу, любил слушать пение птиц, любил наблюдать за утками, любил шелест травы и листвы, любил ту жизнь, что идет в лесу. Любил животных, но не как еду, а как живых существ, но я не любил ту жизнь, что уготовлена мне по рождению. Я не – мужик, не в полном смысле этого слова, я не защитник, но я и не трус. Как это мучило меня, как я хотел искоренить из себя это, но не мог. Но меня никогда не тянуло стать ни художником, ни поэтом, ни каким-нибудь другим представителем современных профессий, что выбирают люди, парни моего склада характера. Я был все же больше влюблен в науку, зачитывался книгами, мне нравилось что-то изучать, узнавать. Мне хотелось знаний, но не к чему было их применить, да и какой из меня ученый?

Наступал поздний вечер, а за ним спускались сумерки и ночь, а это значит, что нужно было идти домой. Встав с бревна и посмотрев на уток еще раз, я, развернувшись, пошел к дому. Друзей у меня не было, я не знал, почему. Может, все дело было в том, что я отличался от остальных? Перво-наперво – из-за внешности: блондин с зелеными глазами, немного смуглой кожей, хотя у всех она была смуглая летом, худощавый, немного ниже других своих сверстников. Но и это не главное, хотя внешность, порой, играет важную роль, но не в моем случае. Второе: в учебе я не блистал умом. Но по сравнению с другими я был одним из лучших. Мне не составляло труда учиться тому немногому, что нам давали. И не забывайте, не у всех детей моего возраста была такая возможность. Из совсем бедных семей дети такого не получали, но мой отец обеспечил меня и моих сестер этой роскошью. Безусловно, зависть и гнев одолевали сверстников, отсюда и отношение менялось.

Поначалу я расстраивался, мне хотелось общения, я хотел друзей, я хотел быть, как все. Позднее я понял, что это просто невозможно. В свои десять лет я слишком много думал, а может, все дело в том, что война взрослит ум и тело раньше срока.

Шли дни, лето уходило, наступала осень, мы вновь отправились с отцом на охоту, но в этот раз я должен был убить животное. Безумный страх – это все, что я чувствовал. Я не могу передать те ощущения, что испытывал, когда отец заявил мне это за завтраком. Мать, стоявшая у стола, побледнела, и полотенце, что она взяла в руки, упало из ее ослабевших пальцев. Бледная, как и я, она медленно повернулась к столу, где уже собиралась вся семья. Посмотрев сначала на меня, затем на мужа, она хотела было что-то сказать, но потом в ее глазах блеснула печаль и обреченность. Мы оба знали, что он не слушает ее. Отец твердо решил сделать из меня мужика, как он выражался. По утрам я бегал, отжимался, хотя мне и не нужно было бы это делать. Я и так колол дрова, убирал в сарае, таскал различные вещи и прочее, что просили сестры и мать, но против воли отца не пойдешь. Иногда мне казалось, что отец не любит меня, но, включая рациональную часть разума, я понимал, что это вовсе не так. Это все из-за того, что он давил на меня своим влиянием. Он хотел обеспечить мне и семье хорошую жизнь, я не виню его за это. Но со своим страхом и добрым сердцем я не мог убивать животных. По сути, вообще-то, очень тяжело вообще направить пушку на человека и спустить курок, даже если этот человек – тебе враг, или тебе так сказали, что он враг, что ты должен его убить, чтобы спасти себя и страну, или ради какой-то еще великой цели. Возможно, вам не понять: когда жил я, шли почти бесконечные войны, поэтому мало кто из мальчиков и молодых людей не сражались на фронтах по всей стране. Пожалуй, только младенцы, да и то им тоже не везло, они умирали либо от голода, либо от болезни, либо их убивали...

Но вернемся к охоте. Завтрак прошел молча, сестры и мать только переглядывались друг с другом. Я знал, что в глазах сестер я выгляжу несчастным младшим братиком, они жалели меня, а мать жалела нас всех и любила, в том числе и отца. Доев завтрак, все встали, отец пошел собираться, как и в прошлый раз, он сказал мне то же самое.

Я ушел в свою комнату. Как и в тот раз, я дрожал от страха и ужаса, меня тошнило, хотелось окаменеть, чтобы не чувствовать того, что поднималось во мне. Говорят, мужчины – от природы охотники, потому что ищут и завоёвывают как крепости, так и женщин, видно таковым я не являлся, и вряд ли стану таким... И я не ошибся в себе, иногда мне думается, что, видно, что-то перепуталось в процессе моего рождения, и я родился мальчиком, вместо того чтобы быть девочкой или вообще не рождаться. Потому что и девочкой я был бы плаксивой и ни в какое сравнение не шел бы со своими сестрами. У нас в роду слабаков нет, я не хотел бы быть первым – ни в том, ни в ином облике. Как и в прошлый раз, услышав голос отца, я побежал в сени, сестры уже занимались домашними делами и не видели того, как я истерически впихиваю ноги в сапожки и натягиваю поверх рубашки безрукавку. Только мать внимательно тайком смотрела на меня, я видел ее силуэт краем глаза, но сделал вид, что не заметил ее. Выбежал из дома, потому что если бы я обернулся, я не знаю, что бы увидел: слезы, смешанные с отчаянием, или грусть с обреченным пониманием того, что она ничего не может сделать. Я не смог бы выдержать этих печальных глаз, таких же, как и у меня, я бы наверняка бросился к ней и расплакался, но нет, я не мог, не смел. И вот мы опять идем с отцом к лесу, холод сковывает меня, руки коченеют, и сам я холодею. Высокая, широкоплечая фигура отца впереди, и я – щуплый, маленький, идущий позади него, жалкий, одинокий и ненужный кусок мяса, такого же мяса, за которым мы идем в лес сейчас, в его чащу. Тишина. Осенние листья уже падают с деревьев: желтые, красные, багровые, а желто-зеленые еще висят и колеблются на ветру. Вечно зеленая хвоя, и та желтеет и падает на землю, покрывая ее вместе с листочками ковром. Отец остановился и, подняв руку, тихо шепнул:

– Видишь? – указал он мне на просвет между ветками, я посмотрел в том направлении, там стоял олень, его массивную и гордо поднятую голову украшали огромные рога. Олень, наострив уши, к чему-то прислушивался.

Я видел его красиво блестящую шерсть, белую грудь с подпалинами цвета какао, сильные ноги. Олень был так красив, что я не мог представить себе, как можно его запросто убить и сожрать?! Но отец был другого мнения, мясорубка войны ожесточила его сердце, но не мое...

– Прицелься и стреляй, – сказал он мне.

Мои руки задрожали, похолодели, и сам я чувствовал, что сейчас же рухну от страха. С высоты своего роста он смотрел на меня равнодушными глазами, в которых я ничего не мог прочесть: ни упрека, ни поддержки.

– Стреляй, – без эмоций повторил отец.

Я не мог.

– Не могу, – выдавил я, тихо пискнув.

– Что? – немного сердясь, спросил отец.

– Я... Я не могу! – выкрикнул я и, бросив ружье на землю, побежал.

Естественно, от моего крика животное испуганно встрепенулось и ускакало в чащобу. Слезы накатывались на меня, я не знаю, что это были за слезы: страха или жалости к себе или к этому животному, но они текли из моих глаз. Он нагнал меня на полпути, схватив меня и подняв над землей, он развернул меня к себе лицом и строго сказал:

– Посмотри на меня.

И я подчинился, я поднял свои заплаканные глаза и дрожащие губы. Он внимательно на меня смотрел, я не мог угадать, о чем он думал, но вот он заговорил ровно и спокойно. Хотя мне казалось, что он готов меня прибить за то, что я тут устроил.

– Серафим, – сказал он, – пойми, пожалуйста, одну вещь: ты – глава семьи в мое отсутствие. Хоть ты младше своих сестер, но ты главный в мое отсутствие. Ты уже взрослый, и пора становиться настоящим мужчиной, а не слезливым, трусливым мальчиком, держащимся за материнский подол. Ты понимаешь, о чем я?

Я молчал, отец продолжил:

– Я понимаю, убить живое существо сложно, жалко и страшно, но если ты не убьешь его, то умрешь с голоду. Ты можешь и не убивать его для себя, но не забывай: ты – мужик, и ты обязан защищать, кормить и беречь свою семью. Пока этим занимаюсь я, пока нет войны, но если она придет и меня призовут служить, я могу не вернуться, тогда ты останешься за главного, ты должен будешь защищать и кормить свою семью. Поэтому отбрось свою жалость к животным, в этом мире выживаешь либо ты, либо кто-то еще, вместо тебя.

Я с широко раскрытыми глазами смотрел на отца, я понимал, что он говорил. Но я не мог пересилить себя, как только я задумывался о том, что кто-то умрет от моей руки, меня начинало тошнить, и я чуть ли сам не терял сознание. Отец поставил меня на землю и сказал:

– Сын, подумай над моими словами, а сейчас, раз уж мяса мы сегодня не смогли добыть, пойдем на рыбалку.

Я обрадовался, рыбалку я любил. Кивнув в ответ, я зашагал вместе с ним к выходу из леса. Не заходя в дом, мы в сениях взяли рыбачий инвентарь и отправились к реке, что была чуть дальше того озера, где я обычно любил сидеть. По сути, она и вытекала из этого озера струйкой, а уже потом становилась рекой, тянущейся далеко за горизонт, туда, куда я и хотел попасть, и в то же время страх одолевал меня, и я уже не хотел. Сев на берегу реки и закинув удочки с наживой, мы тихо слушали, как падают осенние листья с деревьев. В этот миг мое сердце наполнялось покоем и умиротворением. Как бы назвали меня сейчас, живи я в XXI веке – «поехавший», ведь скажи я это хоть сейчас или тогда своему отцу, что как хорошо сидеть на берегу реки, слышать ее тихое колебание, как она утекает все дальше и дальше, не заканчиваясь, и тихий шелест опадающей листвы и получать от этого наслаждение и покой,

то кем бы меня стали считать? Слабым мальчиком – «эмо»? Или женоподобным юношей? Но они бы ошиблись, что в моем веке, что в ХХI. Я не то и не другое, я такой, какой есть. Возможно, для парня, мужчины это не самые лучшие качества. Возможно, они слишком сильно были развиты во мне, но я был тонкой натурой. То, что отец дал мне отсрочку от убийства живого существа, не могло поменять моей сущности. Из раздумий меня вывело резкое дергание моей удочки; вцепившись в нее обеими руками, я начал тянуть рыбу на поверхность. Отец подбадривал словами:

– Давай, молодец, тани ее сюда!

Наконец рыба была на земле, это была щука, прыгая по берегу, она пыталась заскочить обратно в воду, но отец схватил ее за скользкое тело и запихнул в ведро, где она еще долго плескалась в воде, ударяя своим хвостом по стенкам емкости. По крайней мере, к рыбам я относился более равнодушно, чем к животному царству. Река заискрилась под лучами выплывшего из-за туч солнца, переливаясь всеми тонами радуги, вода превратилась в серебряную нить, искрящуюся бриллиантами, изумрудами, сапфирами, рубинами.

Дул южный ветер, остужая разгоряченные щеки и шею. Была прекрасная погода, страх, что я испытал утром, постепенно ушел в прошлое, будто его и не было вовсе. Отец сидел рядом, с удочкой, и тихо что-то мычал, какую-то песню. Он даже, по-моему, и улыбался, хотя я не утверждаю этого. Странно, но мне вовсе не хотелось говорить с ним, а у него, видно, тоже не было особого желания беседовать со мной. Но это молчание не тяготило нас, наоборот, это было как раз то, что нам нужно. К полудню мы наловили целое ведро рыбы и, собрав вещи, отправились домой. Идя по лесной дороге, мы не разговаривали, это молчание не угнетало меня, нам не о чем было и словом обмолвиться. В отличие от своих сверстников, мальчиков, которые бы требовали с жаром и интересом в глазах рассказать о подвигах на войне и о покорении крепостей, меня это совсем не интересовало. Я понимал хорошо одно: что война, как бы ее ни описывали в книгах и какие бы там ни давали награды за подвиги, это всегда плохо. Плохо, потому что голодают люди, земля, поля и леса горят, льется кровь и погибают за зря чаще всего невинные люди, что война – это всего лишь игра политиков, а не великое дело. Можно что угодно назвать великим и правильным, если от этого будет зависеть, пойдет за тебя погибать народ и сражаться или нет. А отец никогда и не рассказывал о войне, потому что мама всегда расстраивалась и, тяжело вздыхая, уходила куда-нибудь по домашним делам. Так мы шли, а я все думал, как хорошо пахнет прелая листва под ногами, как приятно шуршат опавшие сухие листья, как чудесно все кругом...

Глава 2

Прошло три года, я подросток, стал более мужественно выглядеть, или, может, это ежедневные тренировки отца дали свой эффект, но все равно на него я ни капельки не походил. Я не был богатырем или хотя бы чем-то близким к этому. Обыкновенный сельский парень, крепкий, не широкоплечий, но с мускулами, не маленького, но и не высокого – среднего роста. Была весна, снега сходили с полей, таяли по берегам рек, но ровным слоем лежали в лесах. Но вскоре и там зажурчат ручейки, начнется грязноводье, как я это называл, когда ноги по щиколотку будут сначала проваливаться в рыхлую почву, а когда та, напившись талой водой, совсем размякнет, грязь будет доходить до голени. Главное, чтобы вода не застаивалась в лесах, иначе могут образоваться топи, преходящие в болотистую местность, что случается крайне редко, все зависит от самой почвы, деревьев, что растут поблизости, кустарников и, конечно, от той части света, где это может быть. Научился ли я убивать животных ради еды и выживания, спросили бы вы меня? Да, научился, но вы не можете, да и не могли бы представить, каково мне было убивать их каждый раз. Я понимал умом, хотя и не был дураком совсем, что то, что отец сказал мне в мои десять лет, все это и по сей день так же. Хотя сестры выросли уже совсем. Старшей уже на тот момент исполнилось 17, а замуж она так еще и не вышла, но это отдельная история. Пауле было 15, а Анисье – 14.

Не хочется рассказывать вам о первой моей удачной, по мнению отца, охоте на зверя. Скажу одно, это был тот самый олень или, может, мне показалось, что это тот же, что и был тогда, но животное было так же прекрасно, как и в прошлый раз, мое сердце дрогнуло, но я выстрелил и не промазал. Оно упало замертво, я целился в глаз и попал в него. Его постигла мгновенная смерть, когда пуля прошла чрез глазное яблоко в мозг, разрывая мягкие ткани, пробивая черепную коробку, и вылетела с другой стороны головы. Подойдя к мертвому оленю, мы увидели с отцом разное: он – удачно подстреленное животное, а я – отобранную жизнь. В тот момент мне хотелось упасть подле оленя и кричать, плакать, биться головой о землю, но я держался, на мои глаза накатывались слезы, но я мужественно сдерживал их, меня тошнило и воротило. Я смотрел на свои руки и понимал, что этими руками я убил вот это, что теперь лежит на земле. Дальше не имеет смысла говорить, что отец мой все повторил, как и в прошлую охоту. И вновь я посмотрел на себя, не на свою внешность, а на себя внутреннего, и я не увидел ни достойного сына, ни достойного брата. Я не был готов спасти не то что бы мир, я не был готов защитить, как кажется, самое дорогое, что может быть в моей жизни – свою семью.

«Почему я такой?» – спрашивал я себя и не находил ответа. Ведь меня любили, любила мать, любили сестры, ведь у меня не было тяжелым детство, война не все отобрала у нас, а я вырос таким изгоем, одиночкой и, может быть, трусом. Я все же считал это свое трепетное чувство к живой природе трусостью и малодушием. Разве только мы убиваем животных, ведь и они убивают нас? Когда был голодный год, как раз, как только я родился, началась эта война, куда ушел отец, настала жуткая пора, когда волки, голодные и злые, нападали на деревни, даже в нашей губернии одного юношу загрызли насмерть. Те самые волки, а может, это были и не волки, а другие хищники. И вряд ли они задумывались над тем, что мы люди, живые, и нас не надо есть. Так говорил я себе, рациональная часть ума понимала это, только люди не едят волчатину, а если и убивают волков, то ради меха, да и то с облезлого, голодного волка хорошей шкуры не возьмешь. Но не это было самое страшное для меня, мне стало невыносимо есть мясо. Я вспоминал, и тут же все лезло обратно из меня. Мать и сестры не понимали, в чем дело, все думали, что я подцепил какую-то заразу и теперь она убивает меня, только отец был спокоен и рассудителен, как всегда. После моего очередного выворачивания наизнанку он пришел ко мне. Я лежал в своей маленькой комнате на простыне, потный и уставший, все же голод сказывался на моем теле, но не на душе. Она все так же мучилась угрызениями совести, неясными мне, но понятными ей муками, что и терзали меня.

– Серафим, – присев подле меня на корточки, сказал отец, я открыл глаза и посмотрел на него своими зелеными, уставшими глазами, – что тебя мучает?

– Ничего, – вяло отозвался я.

Его глаза внимательно изучали мое лицо, отчего мне, как всегда, стало не по себе.

– Если ничего, – выговаривая каждое слово, ответил отец, – то и не мучай мать и сестер, они все с ног сбились, а мать все глаза выплакала уже, мало тебе того, что она и так малышка потеряла.

Отец говорил о том моем братике, что умер к году. Это был первый и последний раз, когда у нас умирали младенцы. У матери больше не было детей с того дня, как мы похоронили того ребенка. Это, может, и к лучшему... Я молчал. Да и что я мог ему сказать? Что я не могу убивать зверей, что меня от этого воротит, что я слабак? Или что? Что даже понимая его заветы и слова, я все равно продолжаю жалеть их и не могу спокойно, хладнокровно убивать ради еды? Я молчал, отец тоже. Потом он сказал то, что запомнилось мне на всю жизнь, да и как видно, после жизни тоже:

– Серафим, человек сам выбирает, кем ему быть, но как бы он ни выбрал, кем ему быть, жизнь заставит его измениться, а если человек не сможет изменить себя, то он погибнет. Главное не то, что ты упорствуешь в том, что ты такой, как есть, а не такой, как кто-то, еще главное, как ты устроишься в жизни и сможешь ли ты жить, а не выживать, не потеряв того, кем

ты выбрал себя, там внутри. Пойми, окружающим и жизни неважно, кто ты там, внутри, ей важно, кто ты тут, снаружи. И ты живешь тут, а не там. И если тут ты должен убивать животных ради выживания, то, значит, прими это, значит, измени себя, ты сколько угодно можешь ими любоваться и прочее, но только там внутри, в своем мире, но не здесь. Ты понимаешь, про что я, сын?

И я понял, про что он. Я понял, что отец не такой жестокий и холодный, как мне казалось все эти годы, что там, внутри, он такой же, как и я, или, может, не совсем такой, но он – живой.

– Я понял тебя, – тихо сказал я. – Но сейчас я посплю немного, я устал.

– Хорошо, – согласился отец. – Но завтра чтобы был, как огурчик! И не раскисай, ты же мой сын.

Сказав это, он легонько потрепал меня за плечо, и от этого незначительного жеста мне стало легче на душе. Я, наконец, осознал, что у меня и вправду есть отец, но, видно, слишком поздно, потому что на следующее утро к нам в губернию пришел гонец и объявил о сборе военных в армию императорского величества. Все думали, что война за выход России к морским границам скоро закончится, но она все никак не прекращалась, а от отца не было вестей. Был 1820 год, мне исполнилось 16 лет, за годы войны много изменилось в нашей семье, да и в жизни. Мать постарела, ее часто начали одолевать боли в сердце, сестры из милых красивых девчушек превратились в девушек, не обделенных красотой, но так как питались мы в те годы чем попало, если вообще удавалось поесть, то их красота увяла, а не расцвела в красивых, буйных красках юности и молодости. Я сожалел о том, что они так и останутся старыми девами. Да и какие могут быть сватанья, браки в такое время. Хотя, говорят, война – проходящая, а жизнь одна, но как-то не в нашем случае, не в нашей губернии. Я, 16-летний юноша, стал главой семьи и старался добросовестно нести эту ношу на своих плечах, а сестры помогали мне в этом. Я хотел бы им другой жизни, жизни с мужьями и детьми, в их домах, но что толку от моих желаний? И вот в 1822 году, когда эта неумолимая война за средиземноморские пути все еще велась, к нам вновь пришел гонец и сообщил, что все юноши, достигшие возраста 16 лет – а мне к тому времени было уже 18 – и старше отправляются обучаться военному делу, в армию. Короче, как бы сказали сейчас, был произведен осенний призыв юношей в армию, – только в ХХI веке от него все уклоняются всеми силами, а потому поступают кто в вузы, кто еще куда – то в мое время такого никто бы и не помыслил, да и куда ты мог деться? Куда я мог деться? И никого не остановил тот факт, что в губернии останутся женщины, дети и старики, что, например, я единственный мужчина в семье, никого это не волновало, никто об этом и не сказал, все были слишком уставшие, изголодавшиеся, чтобы что-то возражать и доказывать. И так стоя и слушая эти слова, я понимал, что моя жизнь изменится завтра, что она изменилась уже сейчас. Тереза смотрела уставшими, больными глазами на говорящего солдата, она понимала, так же, как и я, что теперь все хлопоты падут на ее женские плечи. В тот же день я отправился в лес и, да, я охотился на дичь, которая с каждым годом все дальше и дальше уходила от его границ, с тем же успехом, как люди все дальше ходили за ней в чащобу. Мой поход, почти до самого позднего вечера, был не так уж плох. Я смог подстрелить кабана и пару куропаток, также мне попалось озеро, где я наловил хорошей рыбы, и замечательные кусты малины и брусники, что натолкнуло меня на мысль, что раньше здесь было болото либо оно зарождалось в этой местности. Собрав все это, я шел домой. По возвращении я обработал мясо, как меня учил отец, закатав запасы. Я сделал, все что мог, чтобы на какое-то время моя семья хотя бы не голодала.

Вечером, поужинав в молчании, – никому не хотелось говорить, – я хотел было уйти к себе в комнатку, потому что завтра нужно рано вставать и идти в неизвестность, но вся моя женская компания, сговариваясь или нет, в один голос сказала: «Подожди». Я остановился, обернувшись на них и посмотрев своими зелеными глазами. Я ждал: вот подошла матушка, взяв меня за руки, она посмотрела на меня глазами, в которых читалась и боль и грусть и что-то еще, чего я не знал. Я знал, что это прощание, но я не хотел этого, я не люблю прощаться, от

этого портится настроение, приходят всякие ненужные чувства, эмоции, накатываются слезы, подступает комок к горлу и прочее.

– Серафим, – тихо сказала она, – береги себя там, пожалуйста. – И маленькая слезинка скатилась по щеке, ее седеющие волосы резко выделялись в пшеничных прядях когда-то роскошной и длинной косы. Пальцы ее разжали мои, и, опустившись на лавку, она застыла в тихом молчании. Затем ко мне подошла Тереза, самая старшая из нас всех, шепнув мне:

– Выйдем.

Она пошла в сени, накинув полушубок, потом ждала меня во дворе, я вышел за ней следом. Она смотрела на наш пустой двор и молчала еще минуту, прежде чем заговорить, я понимал: она подбирает слова. И вот она заговорила. Всегда мало отличающаяся эмоцией и лаской, она и сейчас, собрав себя в кулак, говорила, как когда-то в моем детстве, когда я только что увидел отца и спросил у нее: «Кто это?», ровным, спокойным голосом:

– Брат, я понимаю, что глупо просить тебя выжить, но ты выживи все же в этой заварушке. Может, я не понимаю ничего в императорских делах и прочее, сейчас ты, может, осудишь меня за мои слова, но я не вижу смысла погибать за зря. Зачем сразу убивать, почему же не договориться, не заключить мир и что-то в этом роде, я не знаю, как это называется, но не важно. Биться за какой-то кусок берега. Нет, я понимаю, что все реки впадают в моря и прочее там судоходство, но, ...сколько лет эта война уже длится? – ее голос дрожал, а мысли видно путались, но я понял, про что она говорила.

Я и сам понимал, что мы – всего лишь орудие, которым пользуются, которым управляют и которое не имеет воли и своей жизни. Может, когда-то через 100 лет эта война принесет свои дорогие подарки из-за границы, из-за моря, но сейчас она принесла мне лишь разочарование, голод и в последующем и смерть...

– Тереза, – мягко позвал я сестру, – я понимаю, про что ты, но мы оба понимаем, что я пешка, я оружие, я никто, я сила, но я не человек, я не имею своей жизни, как и ты. Мое предназначение быть сильным и защитником наших сестер, а вам – быть слабыми и рожать детей, вот и все, что мы представляем для НИХ, для тех, кто ТАМ. Прими это и не разбивай головы больше. Да, я могу там погибнуть, может, и отец уже мертв.

От этих слов Тереза дернулась, ее вечно спокойное, непроницаемое лицо исказилось на несколько секунд, но она взяла себя в руки. Что восхищало меня в ней, это ее самообладание, всегда гордо поднятая голова, всегда при своем мнении, никогда не узнаешь, что у нее в голове, что она чувствует.

– Так, что сестренка, – продолжил я, – живи, пока это еще возможно. Раз нам «повезло» родиться в столь буйный и кровавый век, так приспособься в нем, выживи хотя бы ты и... – И чего, я никак не ожидал, так это того, что моя сестра, такая сдержанная и сильная, вдруг, расплачется и будет рыдать, да так, как я никогда не видел в жизни.

Бросившись в мои объятия, она промочила мою рубашку насквозь. Обнимая ее хрупкое и исхудавшее тело, я гладил ее по волосам, сухим и ломким. Выплакавшись, она сказала:

– Теперь, завтра за главную останусь я, я так боюсь, что не справлюсь, – ее голубые глаза в растерянности и страхе смотрели на меня, для девушки она была довольно высокой, поэтому мы почти были на одном уровне, я хорошо видел ее глаза. Хотел бы я сказать ей что-нибудь ободряющее, но что бы я ни сказал ей сейчас, это были бы пустые слова, просто слова. Я тихо шепнул ей:

– Ты сильная, ты справишься, – и сжав ее шуплое тело в своих не богатырских, но крепких руках, поцеловал в висок.

Прикрыв глаза, на секунду, я вздохнул, затем, отпустив сестру, сказал:

– Иди в дом, похолодало, не мерзни.

Сестра не возражала, медленно, с прямой спиной, Тереза зашла в дом, на пороге она крикнула:

– И ты не мерзни, приходи.

Я кивнул в ответ, когда дверь закрылась, я присел на пеньки, которые нарубил вчера, готовя запасы на зиму. Смотря в темноту, я не ощущал холода осенней ночи, мне было жарко, внутренняя печка сжигала меня, это был страх. Да, это был человеческий страх перед неизвестностью, перед тем, что ждет меня там за горизонтом. Я смутно знал, что там: сырая земля, голод, раны от пуль, грязь, кровь, боль, крик, запах пота, пороха и смерть. Боялся ли я ее? Возможно. Я не думал о своем конце, я не знал, когда он придет, я ко всему этому относился спокойно. Я хорошо изучил все учебные пособия, когда ходил в школу, меня вообще интересовала наука, мой пытливый ум все впитывал, в то время как другие ребята не понимали ни строчки из-за своего нежелания узнать даже про себя любимых, про их тело. В те времена анатомии как науки еще не было, были куски открытий, да и к чему об этом сейчас рассуждать? Короче говоря, я относился к смерти, как к факту, тому, что когда-то все умрут, умрет и мое тело, по крайней мере, я так думал, сидя той ночью на пеньках и смотря в темноту впереди себя. Меня волновала судьба моих сестер, как они будут жить без моего присутствия и будет ли это жизнью? Я не проклинал ни государя, ни того, что родился в такой век, я лишь с грустью сожалел о том, что я не дерево или не камень. Тогда бы я меньше думал и страдал или, по крайней мере, подчинялся бы все законам природы: весной цвел бы, летом бы завязывал плоды, осенью плодоносил бы, зимой засыпал бы и рос бы себе ввысь, пока старость или человек не срубили бы меня или, может, молния не убила бы, подпалив. Вот за спиной скрипнула дверь и послышались шаги, я не стал оборачиваться, я знал, кто это.

– Братик, – услышал я тихий колокольчик за спиной, – пойдем в дом, пожалуйста.

Я обернулся, Паула, средняя и самая маленькая ростом, смотрела своими синими глазами, в отличие от Терезы, у которой они были голубыми с серым, у средней сестры они были ярко-синими, эта синева была столь неправдоподобна, что ее очи казались ненастоящими.

– Глупая, что ж ты в одной рубашке выскочила! – воскликнул я и, взяв сестру на руки, быстрым шагом пошел к дому. Я знал, что она это сделала нарочно, чтобы я вернулся в дом, я не сердился на нее за эту хитрость. Поставив ее на пол, в сенях и сняв полушубок, я прошел в их комнату. Анисья тут же встрепенулась, вскочив с матраса, она кинулась мне на шею. Она была самой младшая из сестер и самой эмоциональной, поэтому тут же разревелась, следом за ней захлопала носом и Паула. Присев на матрас, обняв сестренку, я молча гладил их по их светлым волосам. И что я мог им сказать? Старше меня на год и два, они все и так понимали.

– Спой, братец, – попросили они.

– Я не умею, – ответил я.

– Умеешь, ты стесняешься просто, – сказала Анисья и посмотрела на меня просящими глазами, голубыми, смешанными с салатовым отливом.

– Хорошо, – согласился я, – только не плакать и спать, – строго сказал я, отчего сестры только засмеялись.

– Хорошо, – хором ответили они.

– Тихо стелется ночь по земле,

Но ты не бойся, тебя укрою я от зла.

Засытай, закрывай глаза, спи спокойно, я с тобой.

Пусть ночь спускается на землю, пусть зажгутся звезды на небесах, пусть взойдет луна,

Спи дитя, закрывай глаза, я спрячу тебя от горя и зла, спи.

В полночь новый день нас ждет, там за горизонтом, там впереди,

Но ты спи, не бойся ничего, я рядом, я с тобой...

Спи...

Когда я замолчал, сестры уже спали, прикрыв их одеялом и подсунув его края под матрас, чтобы было теплее, я вышел из их комнаты. Заглянув в комнату матушки и Терезы, я услышал

ровное дыхание, они спали. Придя к себе, я, не раздеваясь, лег на матрас. Смотря в темноту потолка, я вспомнил вдруг себя маленьким, как боялся темноты, как боялся стрелять в животных, хотя сейчас я их и убиваю, но что-то всегда отдается там, внутри у меня, неясным эхом и болью, которая с годами все меньше тревожит меня. Может, это я теряю свое уникальное качество, которое и не позволяет мне спокойно относиться к простым законам выживания, спокойно, а не с этим, моим вечным спором морали и физических потребностей в мясе и еде в целом. Я вспомнил, как боялся утонуть, когда впервые попал в воду, я много чего боялся, но я пересилил эти страхи, как и многое другое в себе. Возможно, я не потерял себя до конца, как тогда, сказал отец, там внутри я живу в своем мире, но он отличим от реальности, и чтобы выживать в ней, я запечатал тот мир от чужих глаз и ушей. Незаметно прошла ночь, забрезжил рассвет, а сон так и не посетил меня, я отключался на пару часов в полусон, полудрему, но заснуть глубоким и полноценным сном мне так не удалось, к сожалению. Встав с матраса, поправив его, прибрав в комнате, я собрал котомку, да и много ли у меня было вещей, чтоб собирать их? Открыв дверь комнаты, я уловил запах хлеба, которым уже давно не пахло в нашем доме, на цыпочках я прошел мимо комнат в сени и, надев полушубок, сапоги, вышел во двор. Рассвет вступал в свои права. Сегодня небосвод был в серых тучах, но сквозь них пробивалось темно-голубое небо. Солнце показалось из-за горизонта, окрасив тучи и небо в мягко-желтый цвет, весьма бледный. Желтый переходил в оранжевый, перемешивался с розовым, окрашивая все кругом в яркие цвета. Деревья и так стоявшие в уже цветных листочках, встрепенулись этому свету, заискрилась роса на темнеющей и увядающей траве. Прохладный ветерок затеребил кустарники и дошел до меня. Вдохнув его полной грудью, я прикрыл глаза, слушая, как он играет в листве, как та под его порывом, тихо шелестя, падает на землю, образуя там ковер.

«Вернусь ли я сюда еще?» – спросил я себя, а другой голос сказал: «А хочешь ли ты сюда вернуться?» Я открыл глаза и, медленно поворачиваясь, смотрел на знакомый пейзаж, на свой дом, на двор, на забор, на лес, темнеющий вдаль, на это небо, на это все, и я понял... «Я хочу вернуться сюда. Здесь мой дом... И как бы одиноко я ни ощущал себя среди своих сверстников, среди своей семьи, лучшего места нет на этой Земле, ведь здесь меня будут ждать, я знаю это. И это знание и радует, и печалит меня. «У меня есть смысл выжить, не погибнуть, потому что меня ждут, потому что я нужен своей семье, но смогу ли я выжить?» – подумал я. Позавтракав в молчании, мы с сестрами присели, как говорится, на дорожку. Тереза с утра напекла пирожков и хлеба и все это положила мне в котомку. Утро уже настало, пора было идти на сборы, встав, одевшись, обувшись, закинув котомку за плечи, я вышел во двор, сестры последовали за мной. Из деревни набралось человек 20 юношей. И все они, как и я, были худыми, уставшими и вечно голодными. Ждать пришлось недолго, вот показался тот же посланник, что и вчера, скомандовав нам сесть в телегу, что была запряжена лошадьми, столь же худыми и уставшими, как и мы, после чего разразился какой-то патриотической речью. Мы, не проронив ни звука, усаживались, мои сестры стояли и печально молчали, да и что они могли сказать? Все уже было сказано. Что я мог сказать? Пообещать вернуться или промолвить это банальное: «Ну, вы тут держитесь, как-нибудь...» или что-то в этом роде. Вот все сели в телегу, кто-то сел рядом с извозчиком, речь была сказана, фамилии названы. Скомандовав «Вперед», мы медленно отъезжали на скрипучей и старой телеге от нашей губернии, от родных мест. Женщины, девушки, дети, старики, сбившись в кучку, тихо провожали нас в это безмолвное осеннее утро. Небо было тоже грустным: покрытое серыми облаками, сквозь которые не пробивалось солнце. Оно было спрятано под дождевыми тучками, что так внезапно после чудесного рассвета пригнал ветер. Оно собирало в своих недрах воду, которая в последующем вылилась на нас мелким ситом. В дороге я задремал, так как бессонная ночь все же сказала на мне, а когда проснулся, то родных мест уже не узнал. Чем дальше мы ехали, тем опаснее становилось. Поначалу мы еще не осознали в полной мере того, что нас везут на войну, везут для того, чтобы мы убивали

и чтобы убивали нас. Рядом со мной сидел худощавый мальчишка, Васко. Рыжий и с веснушками, он выделялся из толпы, как и я со своими светлыми волосами. Вот, он вздрогнул, услышав в отдалении грохот пушек, я не сразу понял, что это за шум, в прочем, как и все остальные. Но вот грохот повторился, и чем ближе мы подъезжали, тем сильнее он становился, мне показалось, что и земля трясется под нами, или это дорога была вся в колдобинах и ухабах?

И вот мы остановились. Было давно за полдень, можно сказать, что уже был вечер, а за день я так и ничего не съел. Во-первых, не было аппетита, а во-вторых, уж простят меня мои односельчане, я не хотел тратить те запасы, что приготовила мне Тереза, сестра моя. Возможно, это были последние крохи пшеничной крупы, которые она потратила для меня, я не мог об этом не думать. Вот повозка затормозила, нам приказали: «Встать!» Вялые, голодные, сонные, мы прыгнули, а кто-то сполз на землю. Здесь нас построили, и мы пошли за солдатом в лагерь, через лес. Что стало с телегой и извозчиком, я не знаю, да и не хотел знать ни тогда, ни сейчас. Мы шли колонной через лес, хотя и лесом это не назовешь: обломленные ветки деревьев, истоптанная трава, обугленные пни, грязь, сухость и полное отсутствие жизни. Шли мы недолго между сухими ветками, без листьев, пока не показались палатки. Мы пришли в лагерь. Солдаты сновали по нему кто куда. Шум, суматоха охватила нас всех. Мы сами впали в панику, кто-то рванулся бежать, но от голода и слабости не пробежал и двух метров, рухнул на землю, так и остался лежать, пока тот солдат, который нас сюда привел, не подозвал еще двоих и не приказал поднять бедолагу. Это был Митько, его подняли, и наш провожатый холодно спросил его:

– И куда ты собрался бежать?

Митьку только исполнилось 16, щуплый, худой, как и все, он с ужасом в глазах смотрел на солдата.

– Молчишь! – гаркнул солдат, как в последующем все мы узнали, это был командир роты. – Знаешь, что у нас делают с беглыми?

Митько замотал головой, в его глазах, помимо страха, теперь еще стояли и слезы.

– Убивают, – продолжил служивый. – Но так как вы все – новенькие, и солдатами как таковыми еще не являетесь, зеленые щенки, – уже отвернувшись от Митька, говорил командир, – то я забуду об этом происшествии, но усвойте все: захотите бежать – смерть, не будете подчиняться – смерть. Вам тут не в деревянных солдатиков играть, а воевать за великие цели нашей страны, нашего императора! – пафосно закончил он.

Я стоял среди таких же, как я, и в моей голове была одна мысль, одна единственная мысль, которая была наверно и у остальных: «Как я хочу домой!»

Нас накормили, все жадно хлебали похлебку, хоть она была безвкусной и неизвестно из чего приготовлена, но нам было все равно. Целый день не ев, мы приняли ее за роскошное угощение, затем нас уложили спать, расформировав по возрасту и каким-то там еще критериям и, естественно, не пожелав нам, ни «доброй ночи», ни «приятных снов», зато выставили дозор, чтобы мы не сбежали. Я лежал на тонком матрасе, пожалуй, даже не на матрасе, а почти на голой земле, мой желудок переваривал ту бурду, что я проглотил сегодня, но он требовал еды. Дождавшись, когда все мои соседи по палате начнут сопеть во сне, я открыл котомку и с жадностью начал есть припасы. Утолив голод, я спрятал поглубже оставшуюся еду, завязав котомку и положив ее под голову вместо подушки, и прикрыл глаза. Сон не шел, я все думал о том, что меня ждет, что ждет нас, что там. Я читал доступные книги о войне, обо всех сражениях, что в них описывались, но в отличие от других юношей моего возраста, я никогда не мечтал участвовать в битвах и что-то там завоевывать. Может, я неправильный парень? Хотя, может, это природная рациональность и рассудительность: зачем рисковать своей и чужой жизнью зря, если тебе это не нужно? Конкретно тебе это не нужно. Как и сейчас, мне этого не нужно, вы можете сколько угодно говорить, что это во благо страны, но я не соглашусь с вами. Разве плохо мне или моим сестрам, да вообще всей нашей губернии жилось без выхода в моря?

Мы рыбачили в доступной нам реке, ходили в лес на охоту и на сборы, строили, мастерили, торговали вещами, выращивали и продавали урожай. Но, да, я естественно неправ. Неправ, потому что нет прогресса, нет движения вперед. Страна должна развивать, расширять свои границы, ресурсы, знания, но не такой же ценой. Но, с другой стороны, кто добровольно отдаст свой кусок земли? Разве я добровольно отдал бы свою землю, на которой стоит мой дом, мой огород, где живут мои сестры? Разумеется, нет, но если бы мне предложили участок в другом месте, более выгодный или что-то лучше, чем этот участок, то вполне можно было бы договориться мирно. То же и с этой многолетней войной, можно было бы договориться, но нам нечего предложить, вот в чем беда. Что мы имеем? Земли, много земли и людскую силу – не то чтобы рабский труд, но близко к этому. Феодалы, господа, бояре, как ни назови, они-то не работают на земле, они не вспахивают ее, они лишь руководят. Вот как и сейчас этот солдат будет руководить нами. Мы слишком глупы, чтобы понять политические замыслы нашего императора, нам не понять, чего он хочет на самом деле. Ведь, добыв проход к морю, надо начать торговлю, но чем мы будем торговать? Огородом? Посудой? Чем? У страны нет валового продукта, он очень низкий, он не подходит на продажу за границу. Так думал я в ту ночь, мои мысли отчасти были неверными, но, в общих чертах, я думаю, вы поняли. Я просто боялся будущего, грядущего, я убеждал себя в том, что все это абсурдно и не имеет смысла, потому что у страны нет валового продукта, на самом деле я даже не знал, что это такое. Где-то вычитал это, и в панике мой мозг воспроизвел это словосочетание.

И эту ночь я толком не спал, я впадал в тревожные, короткие сны, а утром, с первой зарей нас подняли, накормили и начали дрессировать, как собак. Заставляли бегать, отжиматься, стрелять, хотя в чем, в чем, а в этом мы преуспели. Почти все из нашей деревни умели держать ружье, это было необходимо, так что учить нас стрелять командиру не было нужды. Так прошел день, в тренировках и еще раз в тренировках. К вечеру мы все валились с ног, наши и так исхудавшие тела еле-еле двигались, а тут еще и такая нагрузка. Все повалились после ужина на свои «матрасы» и тут же захрапели, я тоже уснул крепким сном, без сновидений. В таком темпе прошла неделя или две, я сбился со счета, да и какое это имело значение, если раньше я думал, даже надеялся, что вернусь домой, то сейчас я был уверен, что, точно – нет. Был я уверен, не потому что меня убьют сразу – на это я не рассчитывал, я услышал разговор нашего командира с кем-то выше него. Речь шла о нас, потому что «зеленые щенки» – это были мы. Я прогуливался, выразимся так, по лагерю, до ужина было еще полчаса, тренировки закончились, и это время нужно было куда-то деть. Думать о плохом мне не хотелось, да и зачем? А надеяться на лучшее я предоставил своим односельчанам. Я просто трезво смотрел на жизнь, хотя в душе лелеял надежду на возвращение домой... И вот, зайдя на окраину лагеря, почти около мертвого леса, я услышал разговор, что шел из палатки.

– Как новобранцы? – спросил кто-то.

– Эти зеленые щенки хуже, чем я думал, – ответил наш командир, – слабые, сопливые, размазня, да и только.

– Но это и не удивительно, разве ты не был зеленым и слабым в их возрасте?

– Нет. Я боролся за свою жизнь, а эти даже друг друга ударить не могут как следует, все в драку превращают. Ничего не усваивают, ни одного приема, ни одной тактики, – возразил командир. – Если их сейчас выпустить на поле битвы, их убьют в считанные секунды, потому что они либо побегут с поля, либо остолебенеют от страха, либо их убьет случайная пуля.

– Мы не можем больше тянуть, – сказал кто-то, и голос его сразу стал ледяным. – Надо удержать завоеванные позиции, люди умирают, защищать некому, бороться некому, нужно действовать, иначе мы потеряем то, что так долго завоевывали.

– Но они еще не готовы, – сдержанно ответил командир.

Последовало молчание, затем голос ответил:

– Если к концу этой недели они не научатся как следует драться, то пусть будут пушечным мясом, что поделать: великой стране иногда нужно совершать не великие поступки ради великих целей.

Дальше я не слушал, что ответил командир, потому что, во-первых, нас позвали на ужин, а во-вторых, что я мог бы услышать? «Да» или «как скажете», все одно, нас будут дрессировать дальше, чтобы потом выставить на смерть.

Только почему-то этот разговор не был для меня открытием, я с самого начал уже знал, что нас собрали ради одной цели – умереть достойно как защитник, как завоеватель, просто как пушечное мясо. Нам не дадут прожить долгую и красивую жизнь, встретить девушку, ухаживать за ней, жениться на ней, целовать ее, родить детей, воспитывать их, радоваться новому дню, иметь друзей, иметь свой дом, иметь что-то свое. Нам этого не дадут, мы не были рождены для этого в этом веке, видно, не судьба... Поев без всякого энтузиазма, я сразу лег спать, говорить с кем-либо не было желания, да мне вообще ничего не хотелось. О чем говорить? Но сон не шел, как ни уговаривал я себя не думать об услышанном, мысли все равно возвращались к этой, до банальности простой фразы: «...к концу этой недели они не научатся как следует драться, то пусть будут пушечным мясом, что поделать: великой стране иногда нужно совершать не великие поступки, ради великих целей». Естественно, мне не захотелось умирать. Значит, думал я тогда, надо научиться приемам атаки и защиты. Хотя, если брать конкретно меня, то этому всему я уже обучился за две недели, но вот мои односельчане – нет. Я не знал почему, да и не узнаю уже... Настало утро, нас, как обычно, подняли, накормили, заставили тренироваться, все как всегда. И конечно, наш отряд ни на грамм не продвинулся в успехах атаки и защиты, все превращалось в потасовку и катание по земле. Я не хотел говорить им правду, что в любом случае мы умрем. Я твердо решил для себя выжить в этой, совершенно ненужной *мне* войне. Да, именно *мне*, может, я эгоист, но я не хотел умирать. Ради кого? Ради чего? Я хотел жить и поклялся себе, что не умру в первом же бою, я выживу, и я вернусь домой... Но как же я ошибался, когда это время пришло... Неделя пролетела незаметно, я тренировался с удвоенной силой, вот только питался не удвоенными порциями, к сожалению, и вот осенним октябрьским утром командир роты сообщил, что сегодня мы идем сражаться. Все притихли, сжались в комок и часто задышали, мне казалось, что я слышу тревожное биение их сердец. Хотя это мое сердце истерически билось в груди, отдаваясь в ушах и застилая глаза пеленой от напряжения и страха. Мы молчали, мы все молчали, лишь один из нас, самый маленький и еще совсем ребенок, хоть и было ему 16, всхлипнул и начал читать молитву, бормоча слова Господу. Да и мог ли нам тогда помочь Господь избежать смерти, избежать такой судьбы? Было ли ему дело до таких, как мы? Был ли Он на самом деле? Я не был ни атеистом, ни сильно верующим. Хоть у меня и была ранимая и добрая душа, но я знал, что если только молиться, то мускулов и сноровки в драке за выживание ты никак не приобретешь. Так что в каком-то смысле я не верил в Его существование.

– На сборы пять минут, собираемся в центре лагеря, – скомандовал наш провожатый. В утренней тишине его голос разнесся раскатом по лагерю. Только облачка от дыхания выпускали наши носы и рты. – И если кто попытается убежать, то вы знаете, что вас ждет.

И вот зря он это сказал.

– Смерть! – выкрикнул Васько. – Какая разница, мы и так умрем! – этот крик в тишине прогремел и дал эффект разрядной бомбы, все вдруг заголосило, начали подтверждать слова Васька, и только я понимал, что будет дальше.

– Дезертирами хотите быть?! – взвыл командир. – Тогда начнем с тебя, – продолжил он, указывая, пальцем в сторону Васька. – Смерти боишься? А ты не бойся, за страну сражаешься, а, не поджав хвост, шенок, убегаешь.

Но разве могли его слова вдохновить нас? Мог ли они перечеркнуть эту панику в душе и понимание, что на войне – как повезет. А если не повезет? Только сейчас до них дошло то, что

дошло до меня давным-давно, это ощущение безвыходности и безысходности. Что нам оставалось? Покориться? Кому? Нашему командиру. Отдать нашу жизнь за кого? За страну. Ради чего? Ради прогресса, ради доступа к морю и присоединения земель? Так или иначе мы собрались, и нас повели, как я в шутку говорю, хотя это совсем не смешно – умирать. Бои велись восточнее нашего лагеря, поэтому грохот до нас не доходил. Но вот вскоре мы услышали этот шум и ощутили сотрясение под ногами. Нервная дрожь прошла по нашему отряду, Васько больше не говорил и не кричал, он молча шел следом за командиром. Мы все молча шли за ним, как овцы на бойню или как коровы на водопой. А мы и были стадом, безропотным и тупым.

– Заходим с левого фланга, – сказал командир, когда мы подошли так близко к военным действиям, что до нас долетали искры орудий, запах пороха и крови. И мы пошли на левый фланг. И тут-то мы увидели войну во всей красе: грохот орудий оглушил нас, запах пота, крови и пороха задушил легкие. Сами военные действия напугали нас. Стоя дрожащей, как листья на ветру, кучкой, мы озирались по сторонам. Вокруг нас бегали солдаты, тащили ядра к пушкам, пули к ружьям, а мы все стояли. Но вот один голос крикнул:

– Поберегись!

И мы увидели, как куча таких же солдат, но только в другой одежде и с перекошенными лицами, несется на нас, наставив пики ружей. Кто-то из нас заорал, инстинктивно выстрелил в солдатика и не промахнулся, тот упал. Его примеру последовали другие, послышался грохот орудий, вот разряд и полетело пушечное ядро. А я стоял и смотрел на то, что только что вон там, в 500 метрах от меня, были люди. Секунду назад они еще бежали на меня, а сейчас там – месиво из огня, земли, подпаленной плоти и моря крови... и эти стоны, оглушительные стоны. Я не мог на это смотреть, все мои односельчане давно уже бросились в атаку, а я все стоял и не мог поднять руки с оружием. Я не мог стрелять. «Они же ничего мне не сделали, – думал я тогда. – Зачем мне их убивать? Они меня даже не знают, а я не знаю их». Но стадное чувство охватило всех, уже всем было все равно, кто тот, кто несется на тебя на коне или пешком – враг, друг или никто. Раз на нем другая форма, значит не свой, значит надо убить, иначе он убьет тебя. Из этого состояния меня вывел крик несущегося на меня всадника. Он несся прямо на меня, я это понимал, и вот меня охватил то ли страх, то ли сработал инстинкт самозащиты. Я поднял руки, не прицеливаясь. Я убил его, попав точно в глаз, как на охоте на белок надо точно попасть в глаз белке, чтобы мех не испортить. Ведь белки, такие маленькие, пушистые зверьки, но у них острые и крепкие зубы в их маленьком ротике и длинные когти на лапках. Всадник свалился с лошади, а бедное животное несло на меня в том же испуге, что и я, оно не понимало, куда бежит. Схватив лошадь под узды, я вскочил на ее спину, в седло, развернув ее в обратную сторону, откуда она пришла, я почувствовал тот азарт, как в играх, которых в XXI веке, в Интернете хоть завались. Но поверьте мне, вы никогда в жизни не испытали в этих своих войнушках того чувства, что испытывал тогда я. Это был и азарт, и страх, и безумие, смешанное с везением. Потому что в меня в любую секунду могли бы попасть шальной или нацеленной пулей или пропороть мне бок штыком, но я избежал этого в первом своем бою. Я понесся через толпу, не разбирая, кто «враг», кто друг, я пустил лошадь галопом, а сам попутно стрелял из оружия, калеча и убивая людей, мной овладел безумный восторг. Не помню, что произошло, но я все несся, как вдруг оказался на земле, а лошадь, на которой я скакал, придавливала меня своим весом. Видно, в бедное животное выстрелили, и оно сбросило меня и само упало подле. Это отрезвило меня. Мне еще чертовски тогда повезло, что я упал в кусты, а лошадь прикрыла от чужих глаз. Не помню, как я выбрался из этой мясорубки, помню одно, что когда не то мы, не то наш противник отступал, нас осталось из 20 только 15. Среди погибших был тот самый мальчик, что читал молитву себе под нос... Не буду говорить, в скольких сражениях я еще участвовал, сколько из моей деревни погибло народу, но могу сказать, что с каждым боем нас становилась на одного, двоих, а иногда и на троих меньше.

Командир не щадил нас, да и имел ли он право нас жалеть? Ведь у него был приказ свыше, а мы – всего лишь пушечное мясо, игрушки, фишки на поле, «оловянные солдатики», которые выполняют чужую волю.

Глава 3

И вот настала зима, холодная, с колючим снегом, что сыплет в лицо, забивается в голенища сапог, и морозами, что сковывают как реки, так и сосуды в теле. Мы все дальше двигались по чужой территории, оставляя за собой кровавый след, который замел со временем снег. Я повзрослел еще больше. Я за эти несколько месяцев, кажется, убил столько людей, сколько не убивал зверей в лесу ради пищи, ради меха за всю свою недолгую жизнь, с тех лет, когда отец занялся моим воспитанием. Но ради чего убивал я этих людей, которых, наверно тоже посылали, как пушечное мясо, на бойню их командиры, а командиров заставляли вышестоящие начальники. Мне было противно смотреть на свои руки, на оружие, на радостные лица, когда наши войска сломили сопротивление врага. «Чему вы радуетесь? – думал я тогда. – Чему? Люди! Ау! Вы что, не понимаете, что те, кого вы убиваете, совершенно невинны, как и вы, они такие же овцы, идущие на бойню». И они не понимали, они были охвачены этим чувством, азартом, они не осознавали этого или не хотели осознать. Они слишком боялись сначала умереть, что позабыли, что они люди, а потом, когда страх прошел, их охватила эта людская неповторимая жестокость – истреблять все на своем пути и всех, чтобы другие не уничтожили их. А я все мучился по ночам – я не плакал, о, нет, я не плакал с тех давних пор, когда был еще совсем младенцем и неразумным ребенком, – кошмарами, которые смешивались с предрасветными сумерками или вечерами.

Меня удивляло лишь то, что я был еще жив, в то время как Васько, тот самый, был убит в пятом бою после первого нашего совместного сражения... Но так как я говорил уже, что на дворе была зима, а наша одежда изрядно поизносилась, как и наши ряды, наш командир вновь отправился в деревни, что были на границах нашей территории и прежде чужой, но теперь благополучно завоеванной нами, за новыми «зелеными щенками» и одеждой. Мы вступили в деревню, уже не помню, какую и где, да и не имело это значения, я знал только одно, что вот он выйдет сейчас и начнет говорить то же, что он произносил в нашей губернии. Не то, чтоб я ненавидел его или еще что-то питал к нашему командиру. Я просто понял одну истину: он руководит нами, а кто-то еще руководит им. Он имеет чуть больше власти над нами, «зелеными щенками», а тот, кто руководит им, имеет власть намного больше, чем все командиры вместе взятые, вот и все. Так оно и было, он произнес свою «патриотическую» речь, его все «радостно» послушали, вот только не похлопали. В этой деревне мы и решили переночевать. В нашем отряде осталось всего пять человек. Но дружнее и ближе мы от этого не стали, как ни странно, возможно все из-за разницы в возрасте, характере и взглядах на жизнь. Я был средним, между 16-летками и 20-летками. Вечером немногочисленный народ этой деревни устроил прощальный праздник. Хоть на дворе и стоял мороз, но девчонки нарядились, заплели косы. Тощие, худые, они наругали щеки, надели сарафаны, валенки, полушубки. Разведя костер, кружились вокруг него со своими юношами, которых завтра заберут, возможно, навсегда из их деревни и их жизни. Наш немногочисленный отряд с командиром тоже поучаствовал в этом прощальном вечере. Мне сразу вспомнилась моя губерния, как наши девушки кружились вокруг костра, как мы, смеясь, бегали за ними, как плели венки и бросали их в костер, как перепрыгивали через него. Я углубился в свои воспоминания: о доме, о сестрах, о детстве, и не сразу понял, что кто-то дергает меня за рукав. Сфокусировав взгляд, я увидел перед собой девушку, почти девочку, она дергала меня за рукав и говорила:

– Пойдем, солдатик, покружимся вокруг костра, а то ты скоро в сосульку превратишься.

Ее голубые глаза напомнили мне о Пауле, о средней сестренке, я решил: «А почему бы и нет?» Ведь завтра – вновь сражение, вновь убийства, кровь и смерть, так почему ж я не могу пожить эти три секунды своей жизни?

– А пойдем, – ответил я, вставая и беря крохотную ручку в свои, мы закружились в общем хороводе, вокруг костра. И вот эта мучительная пустота, что постепенно разрасталась во мне, на время заполнилась смехом этой маленькой девочки и улыбками уставших от войны и голода людей. Я смеялся в тот вечер, так много и искренне, что сам удивился тому, что я еще умею это делать. Девчушка держала меня за руку и смеялась вместе со мной. Вот на смену ей пришла девушка с разруганными щеками и красным носом, она, игриво посмотрев на меня, запустила в меня снежок. Я не сразу сообразил, что произошло, а тем временем девушка уже смеялась и кричала мне:

– Ну, же отбивайся! – и запустила еще один снежок в мою сторону.

Я рассмеялся и ответил на ее снаряд своим снарядом. Вечер прошел незаметно, наступила ночь, жители деревни потушили костер и разошлись по домам, мы ночевали у старушки, которая жила одна в своей маленькой хате. В эту ночь я спал без кошмаров и сновидений, в эту ночь меня не мучили вопросы и совесть, та пустота в душе на время затянулась. Но я не знал, что когда она вновь откроется, как она будет болеть и кровоточить, этого я тогда не ведал. Я и не знал, из-за чего она откроется, и лучше б мне не знать этого никогда, но, видно, такова судьба моя... Мы проснулись от шума, что слышали на улице. Вскочив и быстро одевшись, схватив оружие, я выбежал следом за командиром и остальными. Дома горели, люди бегали, туша огонь, животные кричали и разбегались, все были в суматохе.

– Что случилось?! – прокричал командир, хватая мальчишку за плечо.

– Партизаны напали! – крикнул он и продолжил бежать с ведром к колодцу.

Нам повезло, что вода на дне колодца не замерзла. Я бросился в дом, в сенях увидел ведро, схватив его, я побежал помогать. Пожар затушили быстро, после этой утренней пробежки мы позавтракали и, взяв новобранцев, отправились дальше. Как и в нашей деревне, люди молча провожали взглядом уезжающих, возможно, навсегда молодых парней.

Мы молча шли через лес, когда на нас напали партизаны, те же или другие, они начали стрельбу. Наш командир прокричал: «В укрытие!», и мы бросились врассыпную. Молодые юнцы, которых только что забрали из родной деревни, растерялись, слава богу, им хватило ума упасть на землю и скатиться в кусты. Я, перевернувшись на живот и нацелив оружие, начал всматриваться в кусты напротив. После минутной стрельбы все замерло. В глухой тишине леса любое громкое дыхание было слышно за километр. Вот куст зашевелился, я не знал, кто там: наш или чужой? Шевеление продолжилось, вот из кустов показалась сначала ладонь в варежках, затем рукав полушубка, замызганного и местами рваного. Все это появление сопровождалось пыхтением и сопением. И вот появился обладатель этой руки, это была девочка, та самая, с которой мы вчера плясали вокруг костра, она тащила связку сухих веток, местами подмерзших и покрытых ледяными корками. Она выпрямилась, тяжело вздохнув, подтащила к себе вязанку. Шестым чувством я знал, что девочка в опасности, ведь нападающие никуда не делись. Не ведая, что я делаю, поддавшись чувствам и инстинкту, я вскочил на ноги и бросился прыжком на девочку из своего укрытия. Повалив ее на землю, за секунду до выстрела, я укрыл ее от пуль. И все в один миг поменялось, воздух наполнился грохотом от выстрелов, запахом пороха, криками. Партизаны вышли из своих укрытий, наш отряд ответил на их вызов. Я, схватив девочку в охапку вместе с ее связкой, перекатываясь по земле, отполз в кусты. И слава богу, что там никого не было. Осмотрев окрестности, я наконец поглядел на девочку, та с ужасом в глазах взирала на меня. Приложив палец к своим губам, я призывал сохранять молчание. Она инстинктивно зажала рот рукой.

– Не бойся, – шепнул я. – Сейчас ты тихо перевернешься и поползешь по направлению к дому. Ты помнишь, в какой он стороне? – голубые глаза смотрели на меня, наконец в них появилась осмысленность, и девочка кивнула. – Хорошо. Теперь перевернись на живот и ползи, – так же шепотом сказал я.

Девочка убрала руку ото рта и, поманила меня к себе. Я наклонился к ней, она чмокнула меня в щеку и шепнула в самые уши:

– Спасибо, солдатик.

Посмотрев в ее голубые глаза, я вновь вспомнил о своих сестрах и, тепло улыбнувшись ей, ответил:

– Обязательно выживи в этой войне.

Но вот, передышка закончилась, в кустах позади нас кто-то появился, я вскочил на ноги, прикрывая девчушку, которая уже уползала прочь. Наставив оружие на кусты, я приготовился стрелять. Вот из кустов вышел перепуганный юноша, безумным взглядом он смотрел на все кругом, завидев меня, он упал на колени и, подняв руки, тихим от страха голосом зашептал:

– Не убивай!

Я и не думал его убивать, он был из нашего отряда. Но позади него шел чужак, который уже прицелился в его голову, подняв ружье на плечо и прицелившись, я спустил курок, юноша вскрикнул и инстинктивно пригнулся. Тот, что шел его убить, упал подле него на землю и больше не шевелился. Юноша обернулся и, увидев труп, попятился от него, наткнувшись на мои ноги, он повернулся и со страхом и слезами что-то бормотал в знак благодарности. Протянув ему руку, я поднял его с земли. Снег подле нас окрасился в красный цвет, пропитавшись кровью павшего солдата. Вернувшись к своим, я выслушал ругательства командира, что «если бы ты не бросился, то может быть, мы обошлись бы без жертв. Видите ли, он девочку спасти решил! Ничего, их дело бабское рожать, еще родят, а солдаты нам сейчас нужны!» – говорил он и так далее, а я слушал и смотрел на него, на его красное от гнева и холода лицо, и думал: «Когда это все закончится?».

Прошел год с тех пор, как я ушел из своей деревни, из наших новобранцев живым остался только я, все остальные погибли. Я удивлялся тому, что еще не погиб, провидение или мой Ангел-хранитель меня берегли от гибели, но ради чего? Ради какой цели я все еще жив? Я уже сбился со счета, в скольких боях я был на грани смерти, скольких я уже убил и сколько еще умрут от моей руки. Я так и не мог найти ответа на тот вопрос, что задал еще год назад: «Что я здесь забыл? Что я забыл в этом мире?» Был жаркий сентябрь, вообще на Кавказе всегда жаркие осенние дни, осень тут всегда теплая и приятная на ощупь. Мы все ближе подходили к морю, хотя его не было видно, но речь только о нем и шла в последние недели наших бесчисленных боев. Завтра намечался бой на Предкавказской равнине, поэтому сегодня мы все отдыхали. Наш отряд сменил многих участников, но кто был неизменен, это я и наш командир, кто-то предложил сходить в соседнюю деревушку – поразвлекаться с девочками. Я, конечно, все понимал, все мы были на войне и давно не были с прекрасным полом, но справлять, грубо говоря, свою нужду с первой попавшейся девахой, без ее согласия, мне казалось низко, мерзко, гадко. Но разве мог я возразить им? Ведь они были людьми, и еще живыми. Это единственное, что они могли себе позволить, это единственное, что нам осталось. Я пошел вместе с ними, хотя совсем не горел желанием и потребностью, я вообще оказался в этом плане немного странным и вообще был странным по жизни. Помню единственный раз, когда я целовался с девушкой на каком-то празднике, да и то, потому что перебрал дозу самогонки, но до постельных дел, как я помнил, так и не дошло. Конечно, об этом никто не знал, я и не говорил никому. Я был почти святым в этом плане, в свои 19 лет я был невинен.

В мирное время в этом возрасте я был бы женат, имел бы как минимум одного ребенка, свой дом и хозяйство. Сейчас же я не имел ничего, кроме того, что было на мне и в моей котомке. Все, что я имел – я сам со своими мыслями, переживаниями, совестью и одиночеством, таким же, как безмерная усталость в моем теле, и угасшим светом веры в добро и лучшее – в душе. Придя в деревушку, наш «отряд» пошел тыкаться во все двери, ища подходящих кандидатов. Солдаты вели себя отвратительно, хуже, чем партизаны, те хоть убивали, потому

что защищали свои земли. Я шел самым последним и отставал по мере возможности от своего отряда, я не хотел видеть того, что они творят. Не осуждайте меня, что я мог сделать один против них? Что сказать, как это плохо насилловать невинных, и так загнанных в угол, девушек? Я думал, что этот вечер переживу, как страшный сон, а завтра вновь пойду сражаться за ничего не имеющее для меня дело. Но, я ошибся в себе... Я шел по дороге, осенние листья еще не опали с деревьев и были необычайно красивы, вот только люди не особо радовались этой красоте, им было не до нее. Я шел и уговаривал себя, что я не вправе вмешиваться в это все. Я знал, что будет дальше, меня всего воротило от этих мыслей, я презирал себя за то, что я не останавливаю их, но мой рациональный ум удерживал меня от глупостей.

И вот, я услышал из дома, который находился в 500 метрах от меня, пронзительный женский крик. Внутри у меня все сжалось и что-то оборвалось, как тогда впервые, когда я застрелил животное на охоте, как тогда впервые на поле битвы, когда я убил человека, вот и сейчас это чувство вновь охватило меня. Моя истерзанная душа и сердце вновь закалились кровью, тот покой, что я обрел тогда, в той деревушке, когда смеялся с теми девушками, улетучился. Не выдержав этих мучений, я бросился к дому, откуда вылетел крик. Открыв дверь, – она была, естественно, не заперта, – я попал в сени, женский крик повторился, я рванулся в комнату. Как и я ожидал, там был один из нашего отряда, задрал подол старого, выцветавшего сарафана, оголяя девичьи ноги, он повалил на старый матрас и удерживал сопротивляющуюся девушку за длинную косу, намотав ее на кулак. От этой картины у меня кровь ударила в виски, я не задумываясь, полез с кулаками на него. Оттащив его от бедной, испуганной девушки, я вдвинул ему по челюсти. Я не видел лица, я просто бил его.

– Ты что, охренел?! – заорал на меня парень.

Я молчал, я стискивал его за грудки и с высоты своего роста, а за это время я вымахал прилично, с презрением смотрел на него. Потом я выдавил из себя:

– Чем ты лучше тех, кто убивает нас *там*? – я выделил слово «там». – Ты хотел изнасилловать девушку.

– И что? – перебил он меня.

Это вызвало новую волну гнева во мне, стиснув его сильнее, я прорычал:

– И то, что ты хуже, чем те, кто убивает нас каждый день, они хоть и убийцы, но не насилуют своих же женщин! А ты – ублюдок!

– И что?! – повторил он свой вопрос. – Будто ты не насиловал? Святой нашелся!

На удивление его слова меня отрезвили, внезапно гнев спал и я, наконец, рассмотрел лицо того, кого стискивал. Это был Петька из какой-то там деревни, в которую мы заходили в последний месяц. Разжав ткань рубашки, я отступил от него и сказал:

– Не я тебе судья.

Бедная девушка, стоявшая до этого в ступоре, растрепанная и бледная, кинулась через комнату ко мне. Инстинктивно или нет, она понимала, что если я сейчас уйду, то Петро закончит то, что начал. Упав на колени, она закричала:

– Не уходи! Прошу!

Я стоял и смотрел на нее: ее карие глаза, растрепанная черная коса, бледное лицо, торчащие ключицы – все это привело меня к тому, что я, опустившись передней на корточки и взяв ее худое тело на руки, поднял, выпрямившись в полный рост, и сказал Петьке:

– Выйди из избы.

Тот, зло посмотрел на меня, но вышел из комнаты, в сенях он обо что-то споткнулся, выругавшись, он вышел из дома. Хлопнула дверь и в комнату тут же влетел холод, когда шаги по сухой траве стихли, я, пройдя через комнату, посадил все еще испуганную девушку на матрас и, выпрямившись, хотел было уйти, но девушка подала голос:

– Спасибо тебе, – хрипло сказала она.

Я обернулся, в ее глазах стояли слезы.

– Не за что, – ответил я. – Ты одна в доме?

– Нет. Еще сестра, младшая. Я ее спрятала, – ответила девушка. – Как я могу тебя отблагодарить?

– Просто живи, – ответил я и, развернувшись, ушел.

Я не знаю, что было потом с девушкой и ее сестрой. Я понимал, что в других избах творится то, что не произошло в этой, то же насилие, те же крики. Я шел обратно в лагерь. Я не хотел оставаться тут, я не хотел слышать плач и вопли, я не хотел знать, что они творят. И вдруг я понял: а что, если кто-то такой же, как те, что были сейчас здесь, творит то же, но там, у меня дома, с моей семьей, с моими сестрами и матерью?! Эта мысль ужаснула меня, но я понял, что без толку себя этим мучить, даже если так, что я могу сделать, если я здесь? «Неужели они не понимают, что то, что они творят тут, с этим невинными и беззащитными девушками, то же могут творить и другие солдаты, но с их близкими?!» – думал я, и от этих дум мне становилось только гаже на душе. Я неоднократно спрашивал себя: почему я такой? Почему не воспользовался этой безвыходной ситуацией? Ведь, что она могла мне предложить, та девушка, после спасения от того насильника? Только свое тело. Тогда чем же я буду лучше Петра, который хотел всего лишь ее тела, всего лишь утолить голод собственного тела, чем же я был бы лучше? От этих мыслей у меня трещала голова, да и как нарочно, мое тело требовало того, что требует у всех – удовлетворения его прихоти. Как-никак, но я оставался юношей, как и все те, кто был теперь в той деревне.

В итоге я бросился бежать, бежал я долго, выбившись из сил, я расплакался, та боль, что терзала мою душу и сердце, вырвалась в крике и слезах. Я не знаю, сколько времени я пробыл в одиночестве, но когда я выплакался вволю, было уже темно и звезды загорелись в небе. Потерять лагерь я не мог, даже если бы захотел: он располагался на западе, а деревня, в которую мы шли, была на северо-западе. Поднявшись с земли, я медленно пошел в том направлении, где должен был бы быть лагерь. Моя душа была пуста, те слезы, что жили в ней, наконец, вышли на поверхность, но легче мне не стало. В лагерь я пришел как раз к ужину. Все, кто ходил в соседнюю деревню, смотрели на меня кто с удивлением, смешанным с презрением, кто с безразличием. Только Петро смотрел на меня со злостью. Но мне было все равно. «Подумаешь, без бабы его оставил!» – зло подумал я. Быстро поев, я ушел спать, мне не хотелось говорить ни с кем или сидеть и чувствовать на себе эти взгляды и перешептывания за спиной. Вот только в ту ночь я еще не знал, что это была моя последняя ночь в этом мире...

Глава 4

Осеннее утро следующего дня было чисто, ясно и свежо, мне не верилось, что в это утро мы должны идти и кого-то убивать вновь. Осень расцвела в свою полную меру, деревья стояли в «лесном пожаре»: желтый, оранжевый, красный, багровый окружал нас кругом. Пожухлая трава темнела изумрудом и слабой желтизной, осенние листья, немного опавшие на землю, кружились в порывах ветра в замысловатых танцах, уносясь прочь от нас куда-то вдаль. Ясное небо над головой, без облаков, было наполнено голубизной, эта голубизна напомнила мне об озере, около которого я частенько сидел в детстве. Я вообще очень люблю этот период в осени, когда еще тепло, когда паутинка сверкает в лучах солнца своим необыкновенным узором. Вдохнув полной грудью осеннего воздуха, я на минутку прикрыл глаза и перенесся на много километров назад. В свои родные края, к своему месту, на бревнышко, к уточкам, к реке, к лесу, к теплым материнским рукам и веселому смеху сестер...

Голос командира вывел меня из воспоминаний. Поев, мы, как обычно, собрались, свернули лагерь и пошли к Предкавказской равнине. Шли недолго, минут 15–20, перед нами простерлось огромное пространство, покрытое травой. В чистом воздухе чувствовалось напряжение. Меня охватило странное чувство, смятение. И вот, без предупреждения и чего-либо еще на нас полетела конница и выстрелы из тысячи орудий, наш отряд стоял с левого фланга, командир погнал нас в атаку, и мы бросились на нападающих. Все, как всегда, как обычно

бывает в этих сражениях: тебя охватывает стадное чувство, и ты, как все, стреляешь во все, что движется. Вот и сейчас я несея вместе со всеми на «врага». И вдруг этот бег прекратился, я поначалу не понял, что это было. Резкая боль в груди пронзила меня, я инстинктивно прижал руку к тому месту, где она разлилась, еще по инерции я пробежал метров десять и рухнул на землю.

Перевернувшись на бок, я попытался отползти с поля битвы, чтобы меня не затоптали ни лошади, ни люди. Свалившись в какой-то неглубокий овраг, я прикрыл глаза. Дыхание причиняло боль, прижав кулак к тому месту, откуда уже текла кровь, я изо всех сил придавил рану. Кровь сочилась по кулаку, промочив рубашку, она капала на землю. Я понимал: вряд ли меня найдут здесь, вряд ли я выживу до конца боя, когда стрельба прекратится. Открыв глаза, я посмотрел на небо, оно было прозрачно-голубым без облаков, эта голубизна была такая чистая, такая сверкающая, дым от орудий не коснулся его над моей головой. Я лежал и думал: «Не ужели это мой конец? Вот я здесь умру, неизвестно где, неизвестно кем убитый и неизвестно, похоронит меня кто-либо или звери и птицы растерзают и расклюют мое тело? Может, и отец тоже так же погиб, а мы не узнали и не узнаем. Я уже точно не узнаю, как и о моей смерти не узнают сестры и мать...» Я лежал и все смотрел в это небо, бескрайнее прекрасное небо. Как порой бывают прекрасны и неописуемо чудесны такие простые вещи в жизни, как небо над головой и вдох – без боли – чистого воздуха.

А кровь все сочилась тонкой струйкой из раны на груди, скапливаясь подле меня, окрашивая в пурпур пожухлую траву и опавшие недавно с деревьев листья, впитываясь в сухую землю. Дурман в голове уже начал застилать глаза пеленой и небо, до этого четкое и ясное, стало расплываться перед моими глазами. Я вспомнил свое детство, почему-то только сейчас я понял, что это было лучшее, что случилось в моей жизни. Детство – беззаботное, легкое, одинокое, но все равно лучше, чем все, что происходило потом. Эти уроки охоты, убийства животных и эта война, эти душевные муки, что испытывал я в течение всех этих лет.

Я вдруг осознал, что я так молод, что мне всего 19 и что вот я сейчас умру: мое тело истекало кровью и я никому на всей этой территории не нужен, я – один. Стало ли мне страшно от этой мысли: что я умираю в одиночестве? Наверно, нет, я уже и не помню, я привык быть один. Почему я был один? Я сам не знал. Я не был ни уродом, ни калекой, ни маньяком, ни кем-либо еще, от кого воротили нос и лицо, наоборот, девушкам я был симпатичен. Вот только я как-то сторонился их, ни одна не запала мне ни в сердце, ни в душу. А тот случайный поцелуй я считал мимолетной слабостью, потому что та девушка совсем мне не нравилась, хотя и не была страшной, а даже наоборот, очень красивой. По крайней мере, так считали все юноши, которые ходили за ней хвостом, но при этом кокеткой она не была. Я не знаю, что это было во мне. Но мне не хотелось укладывать девушку в кровать только из-за того, что мое тело требует этого. Может, это все было в силу моего мягкого характера и возвышенных чувств, хотя иногда я страдал от этого в физическом плане, но мое душевное состояние было спокойным, моя совесть была чиста.

Мысли стали течь медленно, картинки в мозгу стали сменяться медленнее, рука, сжатая в кулак и прижатая к ране, ослабевала, а сердце все чаще стучало в груди, эхом отдаваясь в ушах. Мне стало тяжело держать веки открытыми, и я их прикрыл. Я думал тогда: «Как жаль, что я больше не увижу своих сестер и мать...» И вот моя рука сползла с груди, окровавленный кулак, да и вся рубашка прилипла к моему умирающему телу, я часто и судорожно дышал, а бой, стрельба, крики, команды доносились до меня, но как-то тихо, будто сквозь толстый слой воды или льда. Вдруг сквозь веки я почувствовал тепло, приоткрыв глаза с большим трудом, я понял, что это полуденное солнце освещает меня. Это тепло, что шло от него, разливалось по моему холодеющему телу, я улыбнулся пересохшими губами, ветерок подул в мою сторону, донося запах пороха, небо все так же было чисто-голубым и ярким.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.